

Молитва

*Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже,
Я не умею молиться, прости меня и помоги...*

А. Галич

Какое пронзительное письмо. Мне написала его тетка в конце наших жизней. Ей в этом году исполнилось девяносто. Она уже плохо ходит, но память ей не изменила. Трезвый и ясный ум. Она по-прежнему шутит и рассказывает анекдоты, которых знает множество. Голос, как всегда, энергичный, но грустный – ее мучает ностальгия и одиночество. Наши жизни разнесло в разные стороны, и лишь иногда мы можем доставить себе небольшое удовольствие почесать языками по телефону.

Любим друг друга очень, душевно близки, что не так часто случается среди родственников. Письма писать она не терпит. Иногда звонит, и тогда мы начинаем подтрунивать друг над другом, подсмеиваться и подшучивать. Так было и тогда, когда она с сыном жила еще в Москве. Потом они уехали в Израиль, и со мной осталась эта ужасная душевная боль разлуки. Разлуки навсегда.

Вот что она написала. До войны она училась в московской консерватории. Поступила в аспирантуру. Родители жили в Одессе. В октябре 41-го года в Одессу вошли румыны. При них не было массовых расстрелов. А в 1942 году пришли немцы. Началась охота за коммунистами и евреями. Их согнали на площадь, где в праздники проходили советские торжественные парады, заставили рыть глубокий котлован по периметру площади. А потом десятки тысяч человек расстреляли и сбросили в котлован. После этого земля три дня шевелилась – там погибли и убитые и раненые. Об этом она прочитала в газете в 1942 году. В Одессу тетка приехала в 1946 году – хотела узнать что-то о погибших родителях. Жена брата умерла за неделю до ее приезда, и она поехала на интернациональное кладбище попрощаться с усопшей невесткой. Через дорогу было еврейское кладбище. Прямоугольная арка из старого, побитого пулями кирпича на входе, выломанная звезда Давида и одинокая осина с перебитой веткой. Дул сильный ветер и подгребал ржавые листья к памятникам. При каждом порыве ветра ветка жалобно скрипела. Стаи черных ворон с криками взмывали в серое небо. Тетка вошла под арку, прошла по дорожке и остановилась у полуразрушенного постамента. Многие памятники были опрокинуты и разбиты. Глухой бурьян и ямы с покрытой тиной водой дополняли картину запустения и печали. Послышался шорох, мелькнула тень. Как птичка, к ней подлетел человечек крошечного роста. Пальто, видимо, было надето на голое тело. Тонкие ножки болтались в огромных ботинках. Ушки для шнурков были порваны, и в них забились старая трава. На голове у человечка уродливо

возвышалась потрепанная шляпа, из-под нее торчали седые клочья волос. Лицо инопланетянина, кожа да кости и огромные навывкате глаза. «Мадам, я могу предложить Вам поминальную молитву об усопших. Вы не из местных. Я это вижу по вашей одежде. Но говорите так, как говорят в Одессе. Вы дрожите. Я понимаю. Здесь земля полита кровью. Кровь струится отовсюду. Здесь прятались несчастные люди. А эти нелюди как ищейки бегали между памятниками и отстреливали людей, как на охоте стреляют дичь. Разве это можно пережить?» Его огромные черные глаза уставились на тетку. В них было столько муки, столько горя и страдания, что она заплакала. Кивнула головой (ведь ее родители погибли где-то здесь). «Я знаю, – сказал он, – кадиш поет сын по умершему отцу или близкий родственник, но моя душа стонет и плачет все время, и я готов петь до конца жизни». И он тихонько стал напевать на идиш, покачиваясь и разводя руками. Маленький серый воробышек.

Он пел так горько, так самозабвенно, так печально, что сердце тетки разрывалось, слезы текли безудержно, а перед глазами расплывались лица близких ей людей. Это была тихая скорбная песня раненого, умирающего человека. Он спрашивал у своего Б-га, за что тот покарал его народ? Такой страшной и мучительной смертью? «Аденаи, почему ты так поступил? Война – кровавое чудовище, пожирающий молох, всех казнит, всех убивает – но невинные дети и беспомощные старики? Я богохульствую, но может быть, ты Дьявол, Сатана? За что ты погубил наших детей, стариков? Для чего ты оставил меня жить? Пустой дом и холодный очаг человеку не нужен. Мадам, ваши родственники погибли, у меня никого не осталось, жизнь ушла из наших домов, из наших сердец. Кому нужна такая жизнь? И для чего она вообще?» Его вопросы уплывали в воздух, утекали в землю, дрожали слезами и причитаниями. «Где ты, наш Б-г? Я преданно служил тебе всю жизнь и теперь хочу знать, за что? Простите, мадам, я хочу всех помянуть, но этот вопрос, эти страдания меня иссушили. Я бесконечно спрашиваю Его. И уже не говорю – помоги! И уже знаю, что никто не ответит на мои вопросы. Ночью я выполз из этого страшного котлована. Сам не знаю – зачем и куда пополз. У меня была прострелена рука, но боли я почти не чувствовал. Наверное, это был шок. Около какой-то подворотни меня подхватили чьи-то руки. Больше ничего не помню. С тех пор я живу на кладбище. Мне здесь спокойнее. Приходят люди, разыскивают близких. А они-то все там, в котловане – праведники наши». Человечек опять закружился вокруг себя, размахивая руками и мелко вздрагивая.

И вот прошло множество лет. Я попросила тетку написать, вспомнить что-нибудь о наших родственниках. Она неожиданно ответила мне, отписав целый список имен давно ушедших людей, о которых я никогда и ничего не слышала. И в конце письма вдруг упомянула про этот страшный эпизод на кладбище, неожиданно всплывший в ее памяти. Настолько страшный, что меня прошиб озноб даже через 60 лет. И еще одна мысль, скорее утешающая – никуда человеческая жизнь не исчезает, куда-то записывается и, может быть, где-то в другом мире, в другом измерении придется каждой душе держать свой ответ.

05.12.08